

DOI 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-70-81

УДК 930.1

Екатерина Александровна Болашенко

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0009-0000-3541-3129

E-mail: e.bolashenkova@spbu.ru

**«Золотой век» и национальные герои:
историческая память и актуальность
memory studies в постсоветском Таджикистане**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы исторической памяти на материале Республики Таджикистан в постсоветский период. Предпринимается попытка показать актуальность подходов memory studies для постсоветского Таджикистана и возможности использования методов этой дисциплины в данном случае. Речь пойдет не только и не столько о прошлом страны с точки зрения историка, сколько о трансформациях исторической памяти, представляющих интерес для антрополога. Кроме того, случай Таджикистана представляется нам показательной иллюстрацией теорий Энтони Д. Смита, сторонника этносимволистского подхода к феноменам нации и национализма. В качестве «золотого века», о котором писал Э. Смит, здесь выступает эпоха Саманидов (IX–X вв.), в качестве одного из «национальных героев» — эмир Исмаил Самани (время правления — 892–907 гг.), в качестве «священных территорий» — города Бухара и Самарканд. Интересным представляется и вопрос связи между памятью и властью. Мы попытаемся выявить конкретные причины, по которым в сегодняшнем Таджикистане обретают популярность те или иные образы эпохи Саманидов. Память о прошлом в Таджикистане находит отражение как в письменных источниках, так и в объектах материальной культуры и сообщениях информантов. Она проявляется как через официальную государственную риторику, так и через представления граждан страны. Многообразие и многочисленность доступных источников дают основания надеяться на интересные результаты такого рода исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Центральная Азия, постсоветский Таджикистан, историческая память, memory studies, государство Саманидов, «золотой век»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Болашенко Е. А. «Золотой век» и национальные герои: историческая память и актуальность memory studies в постсоветском Таджикистане. *Кунсткамера*. 2023. 3(21): 70–81. doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-70-81

Ekaterina Bolashenkova

Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0000-3541-3129
E-mail: e.bolashenkova@spbu.ru

The Golden Age and National Heroes: Historical Memory and the Importance of Memory Studies in Post-Soviet Tajikistan

ABSTRACT. The article examines historical memory problems focusing on post-Soviet Tajikistan. An attempt is made to show the importance of memory studies, and to find out how relevant the methods of this discipline can be when applied to Tajikistan. The matter of interest here is not the past itself, as seen by a historian, but rather its modern, transformed images, as seen by an anthropologist. The present case seems a significant illustration for the ethno-symbolism approach to nations and nationalism developed by Anthony D. Smith. The “golden age” about which Smith wrote is represented here by the Samanid era (9–10th centuries), one of the “national heroes” — by Emir Ismail Samani (reigned 892–907), the “sacred territories” — by the cities of Bukhara and Samarkand. Another thought-provoking subject is the connection between historical memory and power. The author aims to find exact reasons why certain images of the Samanid era are becoming popular in present-day Tajikistan. Today, historical memory can be reflected in various sources, such as written texts, objects of material culture, or informants’ narration. It is presented both in official state rhetoric and in ordinary people’s beliefs. Due to the abundance and diversity of the sources available, one can expect to obtain noteworthy results.

KEYWORDS: Central Asia, post-Soviet Tajikistan, historical memory, memory studies, the Samanid state, golden age

FOR CITATION: Bolashenkova E. The Golden Age and National Heroes: Historical Memory and the Importance of Memory Studies in Post-Soviet Tajikistan. *Kunstkamera*. 2023. 3(21): 70–81. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-70-81

MEMORY STUDIES: КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСЦИПЛИНЫ

Историческая память — предмет, который в наши дни обретает все большую популярность в ряде общественных и гуманитарных наук. Изучение памяти привлекает внимание не только историков, но и антропологов, социологов, психологов. Объединяет их интерес не только и не столько к прошлому самому по себе, сколько к представлениям о прошлом и изображениям его в современных обществах. В западной науке это направление исследований получило название *memory studies* («исследования памяти», «изучение памяти»). Его стали выделять как отдельную проблемную область несколько десятилетий назад, и в настоящее время оно может считаться самостоятельной дисциплиной, хотя и пребывающей еще на относительно раннем этапе развития. В отечественной науке массовый интерес к вопросам исторической памяти стал возникать позже, чем в зарубежной. В последние годы тем не менее появляется все больше российских статей по данной теме. В связи с этим весьма интересной представляется возможность изучения современного Таджикистана с позиций *memory studies*. В этом случае речь идет не только и не столько об изучении прошлого страны с точки зрения историка, сколько об изучении исторической памяти жителей современного Таджикистана с точки зрения антрополога. В статье предпринята попытка показать, насколько подходы *memory studies* актуальны для современного Таджикистана и насколько применимы к нему методы этой дисциплины.

Возникновение *memory studies* как самостоятельной дисциплины принято относить к 1980–1990-м гг. — времени так называемого мемориального бума. Однако можно довольно уверенно утверждать, что основы изучения памяти были заложены еще в 1920–1930-е гг. М. Хальбваксом — представителем французской социологической школы, учеником Э. Дюркгейма. Именно им впервые введено понятие «коллективная память». Ученые последующих поколений предложили большое количество альтернативных терминов, наиболее популярными из которых являются, вероятно, *cultural memory* («культурная память») и *social memory* («социальная память»), встречаются также варианты *collective remembrance* («коллективная память») и *popular history making* («народная история») (Kansteiner 2002: 181). Однозначных определений для большинства из них не существует до сих пор. Как правило, каждый исследователь делает выбор в пользу того или иного термина, подкрепляя его собственной аргументацией.

Подлинный всплеск интереса к проблемам памяти произошел только десятилетия спустя — в 1980–1990-е гг. Такие понятия, как «коллективная» или «культурная память», из академической сферы стремительно распространились в сфере политики, СМИ, искусстве, из узкоспециализированных терминов превратились в популярные и широко используемые концепты. Тогда же вошло в оборот понятие *memory studies* («исследования памяти»). 1980–1990-е гг. ознаменовались большим количеством работ по этой тематике, среди которых следует назвать прежде всего труды Я. Ассмана, А. Ассман и П. Нора. Последнему принадлежит определение нашей эпохи как «эры коммеморации» (Васильев 2012: 461). Исследователи называли множество причин резкого роста популярности *memory studies*. Одна из них — так называемый антропологический поворот в гуманитарной сфере в целом. Некоторые объясняют привлекательность *memory studies* редким сочетанием общественной значимости и актуальности подобных исследований для настоящего и возможности научного поиска в прошлом. Обращаясь к событиям, отдаленным от нас, эта дисциплина одновременно уделяет внимание непосредственным интересам современности (Kansteiner 2002: 180).

В настоящее время можно с уверенностью говорить о *memory studies* как об отдельной, активно развивающейся гуманитарной дисциплине с собственными журналами, тематическими конференциями, университетскими курсами, учебными пособиями (преимущественно на английском и немецком языках) (Васильев 2012: 462). Тем не менее в начале XXI в. исследователи все еще отмечали, что в *memory studies* пока не выработалось единого научного инструментария (Ростовцев, Сосницкий 2014: 117; Erl 2008: 2), дисциплина во многом находится на стадии фор-

мирования, и эмпирический материал в ней пока преобладает над теоретическими обобщениями (Erl1 2008: 2).

Несмотря на то что предметное поле *memory studies* постоянно расширяется и порой кажется даже неограниченным (Erl1 2008: 2), а подходы *memory studies* применяются в наши дни к социальным группам и общностям самых разных типов, изначально исследования памяти сосредоточены прежде всего на проблемах нации и национальной идентичности (Васильев 2012: 462). Именно поэтому государства, обретшие независимость относительно недавно, представляют для этой дисциплины естественный интерес. В связи с этим заслуживает внимания случай постсоветского Таджикистана.

ЭПОХА САМАНИДОВ (IX–X ВВ.) КАК «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

После распада СССР в 1991 г. Таджикистан столкнулся с потребностью в новой идентичности, которая смогла бы занять место идентичности советской и восполнить образовавшийся «идеологический вакуум».

Важно подчеркнуть, что национальные государства — явление относительно новое в мировой истории, и понятие национальной идентичности существовало далеко не всегда. Традиционно для жителей Центрально-Азиатского региона характерны другие формы самоидентификации: религиозная (например, мусульманин, суннит или шиит, представитель суфийского братства), локальная (бухарец, хивинец, кокандец, житель того или иного города, области, кишлака и т. п.), родоплеменная (представитель своего рода или жуза) (Geiss 2003: 28; Шукуров 2003: 234). Можно также говорить и о сословном самосознании, как, например, у ходжей (Абашин 2007: 20). Первые попытки переписи населения в регионе были предприняты российской администрацией в царское время (1897 г.). Тогда вопросы переписчиков зачастую вызывали непонимание у опрашиваемых, что приводило к ошибкам в результатах переписи. Особенно сложной представляется характерная для того времени путаница в понятиях «таджик», «узбек» и «сарт» и попытках приписать местных жителей к той или иной категории (Абашин 2007: 95).

Национально-территориальное размежевание 1920-х гг., проведенное советской властью и нередко называемое, по выражению таджикского историка Р. М. Масова, «топорным разделением» (Масов 1991), не смогло учесть всех особенностей крайне сложной и пестрой в этническом отношении карты тогдашней Центральной Азии. Идея создания национальных республик так и не была в полной мере воплощена. Одной из самых больших претензий таджикского населения к создателям новых границ была и остается проблема Самарканда и Бухары (старинных городов, имеющих большое культурное и историческое значение и преимущественно персоязычных), которые в результате решений советской власти по поводу разграничения административных единиц оказались на территории тюркоязычного Узбекистана.

С течением времени в республиках Центральной Азии росло значение общесоюзной, наднациональной идентичности «советский человек». И лишь после распада СССР обретшие независимость республики встали перед новой задачей — необходимостью нациестроительства.

Потребность сплотить население вокруг той или иной идеи или символа оказалась более чем очевидной в свете разразившейся в 1992 г. гражданской войны, проявившей противоречия между регионами и поставившей под угрозу само единство республики. В этих обстоятельствах стал заметен рост интереса к историческому прошлому, возникли попытки его переосмысления. В отличие от характерной для советских лет ориентации на «светлое будущее», налицо оказалась другая тенденция — поиск эталона в прошлом. Проявилась и потребность в некоей исторической персоне, фигуре из прошлого, которая смогла бы стать национальным символом благодаря тем или иным личным качествам или деталям биографии (реальным или воображаемым). В итоге идеалом для Таджикистана стала эпоха династии Саманидов (IX–X вв.), а ее воплощением — эмир Исмаил Самани (тадж. Исмоили Сомони; правил с 892 по 907 г.).

Эти тенденции как нельзя лучше иллюстрируют теории британского социолога Энтони Д. Смита (1939–2016), сторонника этносимволистского подхода к феноменам нации и национализма. Э. Смит говорит о «золотых веках» (golden ages) и «героях» (heroes) как о компонентах этнических мифов, которые, в свою очередь, являются одними из важнейших культурных составляющих этничности (Smith 1999: 62). Мифы же, по Смицу, возникают обычно в ситуациях стремительных социальных и экономических перемен, культурных столкновений, в периоды, когда традиция под угрозой (Smith 1999: 83). Постсоветский Таджикистан во многом отвечает этим условиям.

Выбор эпохи Саманидов в качестве «золотого века» представляет особенный интерес для memory studies. По наблюдениям историков, значительная часть исследователей памяти предпочитает изучать память о недавнем прошлом. Так, интерес к памяти о XX в. заметно превосходит интерес к памяти о предшествующих столетиях. Это явление обычно связывают с большим количеством событий, воспоминания о которых имеют яркую эмоциональную окраску для современников и несут травматический характер (войны, революции, массовые репрессии), а также с появлением дополнительных типов источников (фотографии, кинохроника, аудиозаписи) (Ростовцев, Сосницкий 2014: 110). В связи с этим случай Таджикистана представляется своеобразным и заслуживающим специального изучения: почему основное внимание современной исторической науки здесь направлено более чем на тысячу лет назад? Почему одна конкретная непродолжительная эпоха в Средневековье вышла сегодня на первый план?

Нельзя сказать, что ситуация в Таджикистане уникальна. Аналогичные явления имеют место и в соседних постсоветских республиках: достаточно вспомнить культ эмира Тимура (XIV–XV вв.) в Узбекистане или эпического героя Манаса в Киргизии. Однако при ряде несомненных сходств республики Центральной Азии имеют и собственную специфику в этом отношении.

Можно попытаться назвать несколько причин всплеска интереса к Саманидам. Во-первых, Саманиды были династией иранского происхождения (в отличие от пришедших к власти в Центральной Азии на несколько веков после них тюркских и монгольских родов), что может импонировать таджикам как иранскому народу, окруженному тюркскими соседями.

Во-вторых, эпоха Саманидов — период формирования литературного языка, по советской традиции называемого порой и сегодня персидско-таджикским. Это язык классической литературы Центральной Азии и Ирана, примечательный тем, что он сохранился до наших дней, лишь незначительно изменившись. Принято говорить также о «новоперсидском литературном возрождении» (Фрай 2002: 344). Язык также выступает важнейшим фактором самоидентификации таджиков в пестром в языковом отношении регионе.

В-третьих, это время стремительного прогресса, время расцвета торговли, искусств и наук, время расцвета деятельности ученых-энциклопедистов, философов и поэтов. Этот период часто сопоставляют с европейским Ренессансом (Бартольд 1966: 617).

В-четвертых, образы эпохи Саманидов в некотором смысле выступают альтернативой арабскому и исламскому наследию. Несмотря на то что государство Саманидов развивалось в орбите Арабского халифата, а на земли Мавераннахра и Хорасана к IX в. уже пришел ислам, нынешние представления о Саманидах сосуществуют и во многом переплетаются с набирающими популярность идеями арийского, доисламского прошлого и зороастрийской культуры. В публикациях постсоветских таджикских историков саманидские эмиры описываются светскими по своим ценностным установкам правителями, терпимыми к разным идеологиям и не слишком рьяными мусульманами. Такой образ эмира Исмаила мы видим, например, в монографии С. Абдуллоева *Амир Исмоили Сомонӣ* («Эмир Исмаил Самани») (Абдуллоев 1998: 13), изданной под эгидой учрежденного в конце 1990-х гг. Центра изучения культуры эпохи Саманидов при Худжандском государственном университете. В советские годы мотивы доисламского прошлого Таджикистана были не столь популярны. Сегодня интерес к ним растет (Шукуров 2003: 241). Иногда истоки этого интереса относят еще к позднему советскому периоду, а именно к Афганской

войне, после которой в Таджикистан из Афганистана хлынул настоящий поток недоступной прежде литературы, познакомившей многих таджиков с богатым наследием общеиранской культуры (Шукуров 2003: 232). В ходе полевой работы в Таджикистане на улицах городов мы наблюдали даже явно отсылающие к зороастризму лозунги — наряду с плакатами, посвященными прославлению независимости, и билбордами с цитатами из выступлений президента. Например, в г. Пенджикенте в 2015 г. мы увидели такой слоган: «*Пиндори нек, гуфтори нек, рафтори нек — шиори ҷовидони мост!*» («Благая мысль, благое слово, благое дело — наш вечный девиз!») (ПМА 2015). Перечисленные здесь ценности составляют так называемую морально-этическую триаду зороастризма.

В-пятых, государство Саманидов, основанное эмиром Исмаилом, позиционируется в наши дни как первое национальное государство таджиков. В официальном дискурсе Таджикистана эта эпоха (IX–X вв.) характеризуется как время завершения формирования таджикского народа, время возникновения единой общности таджиков, ставших преемниками древних восточноиранских народов (таких как бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы). Исмаил Самани не был основоположником династии, однако именно с ним историки с уверенностью связывают начало ее расцвета (Бартольд 1963: 119). Именно ему удалось создать в Мавераннахре мощное государство с централизованной властью и обеспечить ему практически полную независимость от Арабского халифата (Гафуров 1989: 49). Предполагается, что постсоветский Таджикистан должен воспроизводить этот эталон после долгих лет отсутствия собственной государственности.

В-шестых, история прихода к власти эмира Исмаила Самани дает широкие возможности для проведения параллелей между этим историческим лицом и нынешним президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном. Эмир Исмаил начал свою политическую карьеру в беспокойное время. Прежде чем вступить на престол, ему пришлось справиться с внутренними конфликтами в саманидских владениях, одержать военную победу над своим братом Насром, а также обезопасить свои земли от кочевников. При этом источники (Наршахи 2016) подчеркивают великодушие Исмаила по отношению к побежденным. После установления порядка Исмаил сосредоточился на научном, культурном и экономическом процветании своих земель, а благодаря его мудрости и авторитету подданным при его жизни больше не приходилось воевать. В постсоветском Таджикистане нередко можно встретить сопоставление этих сюжетов с историей прихода к власти самого Эмомали Рахмона: он стал президентом в непростое для Таджикистана время, его возвышение совпало с окончанием гражданской войны 1992–1997 гг. (называемой иногда *ҷанги бародаркуш* — братоубийственная война), после чего в стране установился относительный покой и открылись новые возможности для развития.

Среди других параллелей граждане Таджикистана иногда называют активизировавшиеся в период президентства Э. Рахмона торговлю и экономическое сотрудничество с зарубежными странами (в том числе с Китаем и Турцией), представляющиеся возрождением Великого Шелкового пути, функционировавшего в эпоху Саманидов. Сходство видят также и в поддержке нынешним президентом сельского хозяйства: это в какой-то степени напоминает заботу о земледельцах, приписываемую саманидским эмирам (ПМА 2015).

Согласно Э. Смитту, критерии «золотого века» могут быть самыми разнообразными. Для одних обществ «золотой век» — это период развития науки и искусства, для других — максимальной территориальной экспансии и военной мощи, для третьих — наибольшей влиятельности в сфере религии. В истории может выделяться и более одного «золотого века» (Smith 1999: 263). Но выбор «золотого века» всегда сопровождается одним и тем же посылом: нынешние потомки героев (мудрецов, святых) способны и должны возродить эталонное прошлое, если не во всем, то в отдельных его элементах (Smith 1999: 264). Поиск других, менее очевидных причин внимания к Саманидам представляется интересной задачей.

ЭМИР ИСМАИЛ САМАНИ (892–907) —
ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПОСТСОВЕТСКОГО ТАДЖИКИСТАНА

Среди перспективных направлений современных исследований памяти нередко называют «изучение эволюции исторической памяти о конкретном историческом персонаже» (Ростовцев, Сосницкий 2014: 109). В этом отношении Таджикистан представляется весьма благодатным полем: эволюция памяти об Исмаиле Самани — ярчайшее тому подтверждение. В наши дни популяризация этого образа осуществляется прежде всего на государственном уровне (немалая роль в ней принадлежит лично президенту Эмомали Рахмону) и является существенной частью внутренней политики страны. Ее масштабы и характер, вероятно, позволяют говорить о «культе» Самани, а также, с некоторой осторожностью, даже о возникновении Самани-персонажа, то есть своего рода продукта мифотворчества, намеренного или неосознанного. Имеет смысл кратко перечислить некоторые из шагов по его популяризации.

В 1999 г. в Таджикистане прошло торжественное празднование 1100-летия государства Саманидов. Президент Эмомали Рахмон лично открыл в Душанбе посвященный им грандиозный мемориальный комплекс. В качестве места его расположения был выбран центр столицы, а именно площадь Дусти, на которой в советские годы долгое время находился памятник Ленину, а после 1991 г. в течение нескольких лет — поэту Фирдоуси (Абашин 2007: 202). Центром ансамбля стала 13-метровая фигура Исмаила Самани, выходящего из увенчанной золотой короной арки высотой более 40 метров. По обе стороны арки расположились бронзовые львы. Авторами комплекса стали архитектор Б. Зухурдинов, скульптор М. Ходжибоев, а также российский скульптор Л. Кербель.

Сегодня мемориальный комплекс в Душанбе привлекает туристов и гостей столицы и, на наш взгляд, действительно выглядит довольно впечатляюще. Это место успешно выполняет функции объекта туристического притяжения. Однако что значило возведение этого монумента для граждан Таджикистана конца 1990-х и какие смыслы видели в нем они?

Приведем два ответа информантов:

Тогда в домах хлеба не было, все были голодные. Все таджики, с [19]98-го начиная, с [19]99-го, все таджики отправлялись в Россию. Мои одежды стоили 50 дирамов. И это был секонд-хенд. Нам было все равно. Не до этого. Хоть Шейбаниды, хоть Саманиды. Хоть Чингисхан. Нам было бы все равно. Великий монгольский завоеватель! [*Смеется*]. Нам было все равно. Когда поставили Исмаила Самани в Душанбе, нас, народ, больше интересовало золото, которое он держит. И львы рядом были прекрасны. Хотели золото украсть. А кто стоит, что — все равно. Со временем это изменилось. Сейчас больше интересуются Саманидами. А тогда было не до этого. Тогда мы ели только хлеб и шурбо [суп. — *Примеч. авт.*] каждый день (ПМА 2015: Эрадж, 25 лет, выпускник вуза).

Знаете, сказать, что люди с большим восторгом восприняли это... Не могу, потому что... никто не обращал внимания. Я тоже нет. Потому что, знаете, был... Это обсуждалось, но в то время, после вот этих гражданских событий, да? Войны... Людям было не до... особо радостной жизни, потому что там тогда был голод, тогда была братоубийственная война... Все хотели... как бы успокоиться, да? Найти убежище, найти как бы спокойное место. Чтобы обосновываться и немножко отойти от этих разных игр... Но постепенно это сыграло свою роль, и народ стал понимать, что на самом деле мы должны почтить память своих предков, у нас таковые имеются, и начали, в общем... По моему мнению, у народа он нашел поддержку, Эмомали Рахмон нашел поддержку. Особенно вот среди интеллигенции, да? Начали понимать, что нельзя... Потому что другого выхода, другого способа как бы доказать, что это государство не новое, не было у нас. Я так понимаю (ПМА 2015: Джавид, 51 год, научный сотрудник).

Как видим, и молодой информант, заставший мероприятия по увековечиванию памяти Саманидов ребенком, и информант среднего возраста, представляющий более старшее поколение, независимо друг от друга дали довольно близкие по сути ответы. Оба собеседника рассказали нам, что в первые годы после распада СССР люди в Таджикистане были слишком озабочены экономическими проблемами и собственным выживанием, чтобы в полной мере оценить новую идеологию и принимаемые государством идеологические меры.

Интерес к собственной истории, в частности к роли в ней Саманидов, начал сколько-либо заметно проявляться лишь после относительной стабилизации ситуации в стране. Памятники Исмаилу Самани были установлены и в некоторых других городах, в том числе в Курган-Тюбе (с 2018 г. — Бохтар), Худжанде, Гафурове, Пенджикенте. В ряде населенных пунктов именем эмира были названы крупные улицы. Новая государственная награда орден Исмоили Сомони стала присуждаться за достижения в труде, вклад в дело государственного строительства, успехи в военной службе, культурной, общественной и благотворительной деятельности. Кроме того, имя Исмаила Самани было дано высочайшей точке Памира на территории Таджикистана и всего бывшего СССР, ранее носившей названия Пик Сталина и Пик Коммунизма.

В 2000 г. на смену таджикскому рублю пришла новая национальная валюта — сомони. Таким образом, название династии оказалось на слуху не только у граждан страны, но и за ее пределами (как, впрочем, и благодаря названию авиакомпании *Somon Air* и автозаправочным станциям таджикско-швейцарской нефтяной компании *Somon Oil*). На банкноте в 100 сомони можно увидеть портрет эмира, а на банкноте в 50 дирамов (дирам — сотая часть сомони) — его изображение в полный рост верхом на коне. Иконография Исмаила Самани и особенно его изображения в постсоветский период представляют достаточно интересную тему и заслуживают отдельного изучения в рамках *memory studies*.

Еще одна тема, достойная внимания, — связь памяти и власти. Когда прошлое выступает образцом, эталоном, утраченным «золотым веком», на который следует ориентироваться в настоящем, оно может служить источником исторических прецедентов, аналогий для решения проблем настоящего, подкреплять те или иные шаги внутренней или внешней политики. В этом отношении интерес представляет то, каким образом и в каких случаях руководство современного Таджикистана апеллирует к опыту Саманидов. Интересны обращение к образу эмира Исмаила Самани как к своего рода авторитетной фигуре прошлого и осознанное или ненамеренное проведение параллелей и подчеркивание сходства между ним и нынешним президентом Эмомали Рахмоном. Так, подобные параллели можно наблюдать в текстах современных таджикских поэтов. В них, например, Эмомали Рахмон называется и Исмаилом нашего времени (*Исмоили даврони мо*), и его преемником либо наследником (*ҷонишин*), и новым Исмаилом (*Исмоили нав*), и Исмаилом Вторым (*Исмоили Сонӣ*), и славным наследником либо продолжателем (*вориси нек*) рода Самана, и последователем рода Самана (*пайрави Оли Сомон*), и происходящим от Саманидов (*аз тухмаи Сомони*), и плотью от плоти потомства Самана (*як тан аз авлоди Сомон*), и живым символом рода Самана (*нишони зиндае аз Оли Сомон*). Он нередко называется эмиром (*амир*) и еще чаще шахом (*шоҳ*). Зачастую Эмомали Рахмон уподобляется эмиру Исмаилу на основании конкретных поступков: установления в своих краях мира и единства (Эъчози Рахмон 2011). В стихах современных таджикских поэтов можно найти и другие отсылки к романтизированному далекому прошлому. Эти образы заслуживают рассмотрения в отдельной статье.

В школах и государственных учреждениях Таджикистана портрет эмира Исмаила может располагаться рядом с портретом президента. Это явление еще раз напоминает о рассмотренной аналогии: Эмомали Рахмону удалось возглавить страну в разгар тяжелейшей гражданской войны и во многом спасти ее в условиях нестабильности (как в свое время, тысячу лет назад, эмиру Исмаилу) а также о том, что постсоветский Таджикистан, как и государство Саманидов, является вновь образованным суверенным национальным государством (Blakkisrud, Nozimova 2010: 178).

Тот факт, что для нынешней власти страны Исмаил Самани выступает своего рода ориентиром и эталоном правителя, озвучивается открыто. На уровне же общественного мнения (например, неофициальных нарративов или сообщений информантов) можно услышать даже о некотором отождествлении внешнего облика: рассказывают, будто официальным изображениям Исмаила Самани намеренно придается портретное сходство с Эмомали Рахмоном (ПМА 2015). Доказать намеренность этого явления, конечно, трудно. Однако сам факт обсуждений и даже шуток на эту тему среди таджикских граждан весьма показателен.

«СВЯЩЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ»: БУХАРА И САМАРКАНД

Следует назвать еще одну концепцию Э. Смита, которую прекрасно иллюстрирует случай современного Таджикистана. Это так называемые священные территории (*sacred territories*) — места, ассоциирующиеся с историей общества, являющиеся неотъемлемой частью его памяти или мифологии (Smith 1999: 269). Для таджиков это, очевидно, исконно персоязычные города Бухара и Самарканд, которые в результате советского национально-территориального размежевания 1920-х годов оказались на территории Узбекистана. Недовольство по этому поводу не ослабевает по сей день. Приводя примеры конкретных священных мест, Э. Смит говорит о могилах пророков, святых, справедливых королей и воинов (Smith 1999: 270). В связи с этим вспоминается мавзолей Саманидов в Бухаре, который воспринимается «своим», таджикским. Например, он изображен на банкноте в 100 сомони позади эмира Исмаила. Кроме того, его макет находится в Национальном музее в Душанбе. Изредка от информантов можно услышать и о случаях сакрализации этого места: некоторые таджики, проживающие в Бухаре или временно там оказавшиеся, воспринимают мавзолей чем-то вроде мазара.

Исследователи приводят даже такой рассказ: пожилой бухарец разговаривал с Исмаилом Самани, каялся и просил у него прощения за то, что, будучи таджиком, позволил властям указать в его документах национальность «узбек» (Nourzhanov 2001: 28).

Фраза «Пока я жив — я стена Бухары» приписывалась эмиру Исмаилу историком Х в. Наршахи, автором «Истории Бухары» (Наршахи 2016: 46). Сегодня она регулярно цитируется и является, вероятно, одним из наиболее известных высказываний этого правителя. По сообщению Наршахи, Исмаил освободил жителей Бухары от ежегодного налога на укрепление городской стены (называемой в народе *камтирак* — «старушка»), возведенной в свое время для того, чтобы «тюрки не могли проникать в Бухарскую область». Исмаил же, позволив стене прийти в разрушение, объяснял свое решение тем, что его власти и силы достаточно, чтобы держать врагов на расстоянии. «То, что обещал, он выполнил; он постоянно принимал личное участие в сражениях и не давал врагам овладеть Бухарской областью» (Наршахи 2016: 47).

Отметим, что восприятие Бухары и Самарканда исконно таджикскими городами и отношение к результатам национально-территориального размежевания как к фатальной исторической ошибке характерно не только для значительной части титульного населения республики. Намеки на несправедливость либо некорректность проведенных границ встречаются и в работах современных таджикских историков. В связи с этим нельзя не упомянуть высеченную в камне карту «Большого» (или «Исторического») Таджикистана (эту концепцию в ее нынешнем виде связывают с именем таджикского историка Н. Н. Негматова), расположенную у упоминавшегося памятника в Душанбе и изображающую территорию, многократно превосходящую размерами территорию нынешнего Таджикистана (Абашин 2007: 201). Тем не менее, как показывает анализ торжественных выступлений президента Эмомали Рахмона на таджикском языке (Болашенкова 2017), упоминания Бухары и Самарканда носят преимущественно ностальгический характер и редко переходят в плоскость современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одно из несомненных достоинств *memory studies* — многообразие возможных источников. Историческая память отражается и в текстах (как письменных, так и устных сообщениях), и в объектах материальной культуры (памятники, мемориальные комплексы, архитектура, символы, изображения; отдельного интереса заслуживают музейные экспозиции), и в культуре нематериальной (ритуалы, официальные церемонии, слоганы и девизы, литература и фольклор, образцы этимологии, в том числе «ложные этимологии») (Kansteiner 2002: 190).

Рассматривая представления об эпохе Саманидов в современном Таджикистане, можно привлечь источники трех основных типов. Во-первых, письменные источники. Показательны не только работы современных историков, но и издания официальных речей представителей власти, и художественная литература (в частности, нередко обращаются к теме Саманидов современные таджикские поэты), и новые, изданные после 1991 г. школьные учебники. Во-вторых, много материала дают объекты материальной культуры. Интересно проследить, как именно эпоха Саманидов представлена в ряде исторических музеев в различных городах Таджикистана; как музейные экспозиции отражают эпоху, что подчеркивается, а что игнорируется и почему. Заслуживают внимания и особенности изображения самого эмира Исмаила: помимо большого количества памятников и живописных произведений, его можно встретить на банкнотах, плакатах на городских улицах, логотипе Федерации футбола Таджикистана, обложках школьных дневников и даже этикетках спиртных напитков (водка «Шохона»). В-третьих, не менее важными свидетельствами могут стать сообщения информантов (устные интервью, письменные опросники, публикации в социальных сетях), ведь образы, популяризируемые государством, могут восприниматься людьми совершенно по-иному и жить в общественном сознании собственной жизнью.

Таджикистан представляет огромный интерес для *memory studies* как молодое государство, обретшее независимость относительно недавно и столкнувшееся с потребностью в новой идентичности. «Золотым веком» таджикского народа выступает в наши дни эпоха Саманидов (IX–X вв.). Налицо и популяризация собственных героев, прежде всего национальных, а не, например, общемусульманских либо равно почитаемых по всему Ближнему Востоку исторических деятелей. Наиболее яркий и характерный (хоть и не единственный) пример — эмир Исмаил Самани. Здесь интересна как оценка этой личности (например, в постсоветских книгах, учебниках, в речах официальных лиц), так и его иконография, отражающая переосмысление образа (за последние годы появилось множество новых скульптурных и художественных изображений эмира; он смотрит на граждан страны даже с банкнот). Интерес представляют и параллели с биографией и личностью нынешнего лидера, реальные или воображаемые. Наконец, ситуация с исторической памятью в современном Таджикистане прекрасно отвечает концепции «священных территорий», в качестве таковых в данном случае выступают Бухара и Самарканд.

Подводя итоги, следует признать, что подходы *memory studies* для постсоветского Таджикистана оказываются весьма актуальными. Методы этой дисциплины также вполне применимы к рассматриваемому случаю. А многообразие и многочисленность доступных источников дают основание надеяться на получение интересных результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2015 — Полевые материалы автора, собранные в г. Пенджикент, Таджикистан (июль — август 2015 г.)

Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Чалил, 1998.

Наришахи М. История Бухары. М.: Ленанд, 2016.

Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон) / под ред. А. Шарифзода, Н. Муродова. Душанбе: Ирфон, 2011.

- Абашиин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетея, 2007.
- Бартольд В. В. История Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 109–168.
- Бартольд В. В. Ученые мусульманского «ренессанса» // Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. VI. С. 617–629.
- Болашенкова Е. А. Эпоха и государство Саманидов (IX–X вв.) в представлениях современной таджикской власти // Лавровский сборник. Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология / отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 309–318.
- Васильев А. Г. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 461–480.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 2. Душанбе: Ирфон, 1989.
- Масов Р. М. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, 1991.
- Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник СПбГУ. История. 2014. № 2. С. 106–126.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Восточная литература, 2002.
- Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003. С. 228–251.
- Blakkisrud H., Nozimova S. History Writing and Nation Building in Post-Independence Tajikistan // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38, no. 2. P. 173–189.
- Erll A. Cultural Memory Studies: An Introduction // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook / eds A. Erll, A. Nünning. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. P. 1–14.
- Geiss P. G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia. Communal Commitment and Political Order in Change. London: Routledge, 2003.
- Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. 2002. No. 41. P. 179–197.
- Nourzhanov K. The Politics of History in Tajikistan: Reinventing the Samanids // Harvard Asia Quarterly. 2001. Vol. 5, no. 1. P. 21–30.
- Smith A. D. Myths and Memories of the Nation. Oxford: Oxford University Press, 1999.

REFERENCES

- Abashin S. N. *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in Search of Identity]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2007. (In Russian)
- Barthold V. V. *Istoriia Turkestana* [History of Turkestan]. *Sochineniia* [Collected Works]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1963, vol. 2, pt. 1, pp. 109–168. (In Russian)
- Barthold V. V. *Uchenye musul'manskogo "renessansa"* [Scholars of the Muslim Renaissance]. *Sochineniia* [Collected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1966, vol. 6, pp. 617–629. (In Russian)
- Blakkisrud H., Nozimova S. History Writing and Nation Building in Post-Independence Tajikistan. *Nationalities Papers*, 2010, vol. 38, no. 2, pp. 173–189.
- Bolashenkova E. A. *Epokha i gosudarstvo Samanidov (9–10 vv.) v predstavleniakh sovremennoi tadjikskoi vlasti* [The Time and State of the Samanids (9th–10th Centuries AD) as Seen by the Present-Day Tajik Government]. *Lavrovskii sbornik. Materialy 40 Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2016 g. Etnologiya, istoriya, arkhologiya, kul'turologiya* [Lavrov Collection. Materials of 40th Central Asian-Caucasian Readings 2016. Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies]. Ed. M. S.-G. Albogachieva, M. E. Rezvan. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2017, pp. 309–318. (In Russian)
- Erll A. Cultural Memory Studies: An Introduction. *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds A. Erll, A. Nünning. Berlin: Walter de Gruyter, 2008, pp. 1–14.
- Frye R. *Nasledie Irana* [The Heritage of Persia]. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 2002. (In Russian)
- Gafurov B. G. *Tadzhiki. Drevniaia, drevneishaia i srednevekovaia istoria. Kniga vtoraiia*. [The Tajiks. Prehistory, Ancient and Medieval History. Book II]. Dushanbe: Irфон Publ., 1989. (In Russian)
- Geiss P. G. *Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia. Communal Commitment and Political Order in Change*. London: Routledge, 2003.
- Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, 2002, no. 41, pp. 179–197.

Masov R. M. *Istoriia topornogo razdeleniia* [The Story of the Axe-Made Division]. Dushanbe: Irfon Publ., 1991. (In Russian)

Nourzhanov K. The Politics of History in Tajikistan: Reinventing the Samanids. *Harvard Asia Quarterly*, 2001, vol. 5, no. 1, pp. 21–30.

Rostovtsev E. A., Sosnitskii D. A. Napravleniia issledovaniia istoricheskoi pamiati v Rossii [Research Trends in Historical Memory in Russia]. *Vestnik SpbGU. Istoriia*, 2014, no. 2, pp. 106–126. (In Russian)

Shukurov R. Tadjikistan: muki vospominaniia [Tajikistan: the Pain of Remembering]. *Natsional'nye istorii v sovetskikh i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in Soviet and Post-Soviet States]. Eds. K. Aimermaher, G. M. Bordiugov. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna Publ., 2003, pp. 228–251. (In Russian)

Smith A. D. *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Vasil'ev A. G. Memory studies: edinstvo paradigmy — mnogoobrazie ob"ektov (obzor angloiazychnykh knig po istorii pamiati) [Memory Studies: the Unity of Paradigm — the Variety of Objects (a Review of English-Language Books on History of Memory)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, no. 117, pp. 461–480. (In Russian)

Submitted: 27.05.2023

Accepted: 11.09.2023

Published: 10.10.2023